

Выходить вмѣстѣ съ Почаевскимъ
Листкомъ ТРИ раза въ мѣсяцъ при
Почаевской Лаврѣ, Волын. губ.

Цѣна годовому изданію съ пересыл-
кою 6 руб.,—безъ перес. 5 руб.

21 Апрѣля

№ 12

1904 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

І.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѣнода.

Отъ 7 апрѣля 1904 г. за № 1782. о порядкѣ производства въ церквахъ разрѣшеннаго Святѣйшимъ Сѣнодомъ сбора на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѣнодъ имѣли сужденіе по возбужденному нѣкоторыми епархіальными преосвященными вопросу о порядкѣ производства въ церквахъ разрѣшеннаго 8-го февраля текущаго года Святѣйшимъ Сѣнодомъ на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ сбора. Приказали: Въ разрѣшеніе означеннаго вопроса, разъяснить епархіальнымъ преосвященнымъ, что разрѣшенный въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ сборъ надлежитъ производить одновременно съ обычными церковными сборами, такъ чтобы съ кружкою на помощь раненымъ и больнымъ

ИЗЪ ПИСЕМЪ О ВОЙНѢ.

Нравственное положеніе Россіи въ настоящей войнѣ.

Позволительна или не позволительна война?

Этотъ вопросъ ставился недавно въ «содружествѣ христіанской молодежи». Не стану говорить, какъ рѣшался и рѣшенъ вопросъ: теперь поздно говорить о законности войны вообще.

Передъ нами фактъ опредѣленной войны.

Что сказать о немъ?

Мнѣ кажется, что отвѣтъ достаточный и ясный даетъ прошлое Руси.

Въ XIII в. монгольскія рати двинулись на Европу. Эти предки теперешнихъ японцевъ была нація свѣжая, могучая, хотя и хищническая.

На Руси лежала тогда огромная миссія. Она, выражаясь словами поэта, «какъ песъ сторожевой» лежала у дверей Европы. Передъ ней, такимъ образомъ, всталъ вопросъ: открыть ли враждебной волнѣ дорогу на Западъ или остановить ее своей кровью. Если бы Русь не подставила ударамъ врага свою грудь, наводненіе разлилось бы по всему Западу, стерло всю его культуру, уничтожило христіанскій міръ.

И что же Россія?

Она точно инстинктомъ поняла, что судьбы міра обрекаютъ ее на мученичество. Разсѣянная, слабая, разъединенная, она поднялась, какъ великанъ. Въ первыя десятилѣтія она рѣками крови могла только утомить врага, задержать его на время на развалинахъ русскихъ городовъ.

Потомъ она сумѣла и совсѣмъ отбросить «желтый кошмаръ», *слоमितъ его*.

Какъ же отнеслась къ факту русская церковная совѣсть? Она выразилась въ дѣлѣ преп. Сергія. Это былъ, конечно, чловѣкъ съ чрезвычайно чуткой душой и совѣстью. И вотъ онъ вдохновенно благословляетъ Донского, посылаетъ на бой Пересвѣта и Ослябю. Онъ увѣренъ, что война—судъ Божій и призывъ Божій. Люди, которые, осяняясь крестомъ, идутъ противъ врага, только стихійная сила, «молнія Господня, огонь устъ Его».

Враги міра и Бога осуждены приговоромъ сверху, а люди — только вѣстники воли и гнѣва Божія. Съ той же мыслью шли и Пересвѣтъ, и Ослябя, и Донской: безъ гнѣва и ненависти, безъ радости и боязни они идутъ спокойные и холодные,

какъ судьи, какъ ангель-истребитель, какъ ужасъ и смерть. Тотъ, въ чьихъ рукахъ жизнь всѣхъ, можетъ, имѣть право отнять ее, разсуждали преп. Сергій и Дмитрій Донской, и вотъ Онъ, Владыка жизни, зоветъ народъ Свой на борьбу съ осужденнымъ Имъ «Ханааномъ и зломъ его».

Война была для Россіи религиозной миссіей, религиознымъ подвигомъ до тѣхъ поръ, пока совѣсть хранила сознаніе моральной правоты борьбы, была увѣрена, что другая сторона осуждена Богомъ, безъ воли Котораго не можетъ упасть волосъ съ головы. И смѣемъ ли мы сказать, что ошибался св. Сергій?

Теперь на Русь встали потомки того же врага, но какіе потомки,—хилые, безсильные, вырожденцы, утратившіе силу предковъ и сохранившіе хитрость и лукавство безсилія, того безсилія, которое подбрасывается, «какъ воръ», ночью, чтобы «ужалить въ пяту».

Народъ этотъ выступаетъ тоже антихристіанскимъ и боговраждебнымъ походомъ на Европу и опять не какъ его предки. Тѣ были честные язычники, «не знающіе Бога». Они могли еще и подчиниться христіанской культурѣ, во всякомъ случаѣ, едва ли, стирая съ лица земли города, они возстали бы противъ основъ самаго культурнаго міровоззрѣнія Европы. Языческая Японія нашла своего бога, это — хлѣбъ, сытость, земля. Во имя земли все позволено и ничего не нужно, кромѣ земли. Эта культура, если бы ей удалось встать на мѣсто христіанской, разложила бы міръ, отравила его заложеннымъ въ ней гноемъ разложенія. Можно считать вовсе не шуткой мнѣніе В. Соловьева, что изъ культуры плоти, какую создала Японія, родился бы антихристъ, какъ общій духъ и настроеніе борьбы противъ души, Неба, Христа, *во имя плоти, земли, ненависти.*

Но возможна ли такая побѣда культуры японской надъ христіанской? Конечно, возможна, если бы ей не встала на дорогъ та же Русь, тотъ же сторожъ Европы: объединеніе монголовъ не фантазія. Предсказаніе В. С. Соловьева объ объединенной лигѣ Китая, Японіи, Тибета, наводняющей Европу, болѣе чѣмъ правдоподобно. Оно можетъ оказаться невѣрнымъ только потому, что здѣсь — Русь и именно отсюда становится яснымъ моральное положеніе Россіи въ вопросѣ. Она снова не передъ эгоистической, а міровой задачей, ей снова предстоитъ мученичество, снова рѣки крови во имя борьбы не съ язычникомъ-разрушителемъ, а съ разрушителемъ-антихристомъ, съ культурой, загнойшейся, отравляющей. И Россія сумѣетъ сдѣлать свое дѣло.

Панмонголизмъ—слово это «предвѣстіемъ великой судьбины Божьей полно», пишетъ Соловьевъ. Да, въ новомъ движеніи врага на Русь—предвѣстіе великой судьбины: Русь еще разъ облечется въ славу ради самоотверженнаго мученичества не за свое только спасеніе, а за спасеніе другихъ—міра. Для насъ споръ Россіи съ Японіей—старый споръ, «уже взвѣшенный судьбою», рѣшеніе этого вопроса—въ общей душѣ русскаго народа. Японія еще не народъ. Это вагнеровскій гомункулусъ, въ десять лѣтъ сфабрикованный въ ретортѣ. Онъ не успѣлъ еще приобрести душу, а безъ души необходимо будетъ недоноскомъ и народъ и его войско.

И вотъ противъ него русская душа, за которой тысячелѣтіе. Эта душа соткана изъ вѣры, вдохновенія, долга, Она несетъ въ себѣ мистически стихійную увѣренность, что, выходя противъ врага, онъ—орудіе Божіе и потому и увѣренность въ томъ, что «огненное облако ангеловъ вокругъ Него».

Кромѣ того, эта душа носитъ въ себѣ традиціи, духъ отцовъ и дѣдовъ, воспитавшихся въ воздухѣ побѣдъ и самоотверженнаго долга. Кто же побѣдитъ въ неравномъ спорѣ? Русскіе пойдутъ непобѣдимые, какъ гнѣвъ Божій, и сотрутъ голову того, кто жалилъ въ пятку. «Ослябя» вмѣстѣ съ «Дмитріемъ Донскимъ» въ водахъ Тихаго океана идутъ, чтобы встать вмѣстѣ съ «Пересвѣтомъ» богатырской заставой на дорогѣ гибельнаго наводненія. Всякая злоба разобьется объ эту стѣну. Съ нами Богъ!

Безусловно хищническое начало можетъ завершиться только позорнымъ концомъ.

О результатахъ общественной трезвости во дни войны.

Возвращаюсь къ прежней мысли объ общественной трезвости, религіозно-серьезномъ отношеніи къ событіямъ дня.

Мы говорили, что такое отношеніе обезпечиваетъ намъ національную побѣду.

Теперь продолжимъ немного нашу мысль. Мы полагаемъ, что результаты здороваго святаго настроенія теперешнихъ грозныхъ дней могутъ быть оцѣнены и выше.

Трезвенность, о которой мы говоримъ, общаетъ намъ сдѣлать изъ бѣдствія «спасеніе».

При условіи того религіознаго отношенія къ войнѣ, о которомъ говоритъ наше 2-е письмо, война можетъ стать границей новаго и свѣтлаго времени. Часто вовсе не грѣхъ сказать: благословляю грозу,—она освѣтила мнѣ дорогу». Намъ такъ нужны

грозы—не потому, что онѣ пугаютъ, не потому, что мужикъ крестится только когда громъ грянетъ, нѣтъ, потому, что гроза очищаетъ атмосферу.

Въ электрической «тревогѣ» здоровье.

И вотъ до сихъ поръ война всегда несла «оздоровляющую» грозу...

Я приводилъ въ одной своей бесѣдѣ интересную характеристику нашей жизни у Чехова. «Жизнь наша слишкомъ эгоистична и апатична,—пишетъ Чеховъ.—Взгляните на нее—тишина, спокойствіе, ни одного, кто бы крикнулъ, возмутился».

Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ бдѣть, ночью спать, женятся, старятся... но не видимъ тѣхъ, которые страдаютъ и то, *что страшно, проходитъ гдѣ-то за кулисами*. Все тихо, спокойно и протестуетъ одна статистика: столько-то съ ума сошло, умерло и т. д. Это общій гипнозъ.

Какъ спастись отъ гипноза? «А нужно,—пишетъ Чеховъ,—человѣкъ съ молоточкомъ, который стоялъ бы у каждаго за дверью и напоминалъ о необходимости общей жизни». Но человекъ съ молоточкомъ нѣтъ и люди живутъ себѣ и мелкія житейскія заботы волнуютъ слегка, какъ вѣтеръ осину, и все обстоитъ благополучно и затхло и безжизненно.

Ни общественной мысли ни общественнаго интереса. И даже волнующіеся люди заражаются общей спячкой и потухаютъ.

Молоточка нѣтъ.

И вотъ, не молотокъ стучить... а гремѣть громъ. На Востокъ наши умираютъ... То, *что страшно*, самой жизнью, выдвинуто *изъ-за кулисъ*. Кругомъ насъ люди, у которыхъ «тамъ» свои. Они уже не могутъ жить какъ прежде, а етъ нихъ тревога растетъ и кругомъ. Въ этихъ условіяхъ остаться холоднымъ уже не легко.

Глядите, какъ сильно чувствуются искры въ воздухѣ: люди, которые никогда не видѣли ничего за предѣлами личной борьбы за жизнь, поднялись. Пробуждается и охватываетъ всѣхъ спасительнымъ пожаромъ волненіе общаго интереса «инстинктъ общности», борьбы за цѣлое общее, «благо».

Зарево войны разрѣзываетъ туманъ обыденщины—борьбы за собственный «кружевникъ» и освѣщаетъ путь въ царство Божіе, въ землю, «гдѣ люди живутъ какъ братья и міръ Божій хорошъ» (Короленко).

Но что можетъ быть дороже такого результата? *Ничего.*

«Да, пусть», возразите вы, «но если этотъ результатъ необходимъ, если благая зараза чувствомъ общности обязательно слѣдуетъ за общественнымъ бѣдствіемъ, такъ зачѣмъ и рекомендовать отрезвленіе: оно придетъ само по себѣ».

Но возможно, что найдутся, по крайней мѣрѣ, такіе люди, чье сердце окажется закрытымъ для братьевъ и службы для нихъ въ эти дни.

А главное, и это очень важно, люди легко остываютъ и тухнуть; многіе не сумѣютъ донести святое возбужденіе до конца войны, а его нужно сохранить даже и послѣ. навсегда.

Такихъ я и зову силой воли скоплять и задерживать святыя волненія этихъ первыхъ дней, волнующихъ русскія души, какъ пасхальный благовѣстъ.

Зарево открыло дверь къ новымъ настроеніямъ и отношеніямъ, къ жизни общей, объединенной, безъ сословной вражды и сословнаго эгоизма — такъ не нужно же позволять, чтобы время затворило эту дверь снова. Нужно идти туда, куда зовутъ стоны: *къ вѣчной сплоченности и объединенности не только во дни войны, но и во дни мира* и эта сплоченность сдѣластъ Русь непобѣдимой воевки, а кромѣ того, принесетъ новую справедливую Божью «отрезвленную» жизнь.

Если будетъ такъ, если мы донесемъ до конца войны и сохранимъ послѣ нашу трезвенность и объединенность, наше отреченіе отъ хищнической погони за личнымъ интересомъ, то изъ борьбы мы не только выйдемъ побѣдителями, но духовно богатыми, новыми, сильными, приподнявшимися, *больше ростомъ*.

Даже за 1855 годомъ, годомъ большого пораженія, слѣдовала великая эпоха великаго Александра. А 1904-ый будетъ годомъ побѣды двойной — надъ врагомъ и нашей духовной костью и разединеніемъ*).

Иеромонахъ *Михаилъ*.

Протоіерей Иларіонъ Евстаѣевичъ Гутовскій.

(некрологъ).

(Окончаніе).

Отпѣваніе окончилось. Оставалось перенести прахъ почившаго о. протоіерея на кладбище, — въ построенную имъ церковь, въ которой такъ часто молился и совершалъ безкровную жертву почившій. — Солнышко, какъ бы желая лучше освѣтить

*) Письма печатались въ журналѣ «Русскій Паломникъ».